

© 2000 г.

Н.П. ЕВДОКИМОВА-ДИНЕЛЛО

КАПИТАЛ И РОССИЙСКИЕ БАНКИРЫ

ЕВДОКИМОВА-ДИНЕЛЛО Наталья Павловна - Ph.D. (доктор философии) и кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра русских и восточно-европейских исследований Питтсбургского университета (США).

Наше исследование российских банкиров началось в 1994 г. - в пору банковского бума, проникновения банковского капитала в торговлю, промышленность и средства массовой информации, а также активного участия ведущих банкиров в приватизации государственной собственности. Новоиспеченные банковские менеджеры и собственники становились знаменитостями, авторитетными участниками и комментаторами основных событий дня, "звездами" политических и телевизионных шоу. В то время как происходило сжатие российской экономики на 65%, падение промышленного производства на 50% и реальных доходов населения на 40% [1], банковский сектор был чуть ли не единственным, демонстрировавшим бурный рост. Влияние банкиров в коридорах власти говорило об их политическом, а не только банковском капитале.

Сегодня, спустя почти шесть лет, после разразившегося финансового кризиса, банковская эйфория сошла на нет, и банковская здравница сменилась похоронным звоном. Российская экономика привычно подогревается нефтью, а банковский сектор лежит в руинах. Похоже, что очередная попытка развития России по капиталистическому пути закончилась очередной неудачей [2], и что особенно плачевно, сама идея реформ утратила поддержку в обществе.

Данная статья представляет собой попытку ретроспективного анализа. Опираясь на результаты социологического опроса 484 московских и петербургских банковских работников и углубленных интервью с 61 банковским менеджером*, будет прослежено, что в их представлениях о себе и обществе обещало банковскому "кораблю" долгое плавание, что предвещало его крушение и какие факторы могли повлиять на превращение радужного желаемого в печальное действительное.

Рассматривая банкиров в качестве держателей капитала, мы в исследовании исходили из того, что большой капитал сопряжен с большей свободой выбора и действий, с большей способностью привносить перемены, в том числе институциональные. Понятие капитала составляло теоретический стержень исследования, позволяя объединить субъективные и объективные аспекты анализа, учесть императивы индивидуальных и коллективных действий одновременно с оценкой институтов общества.

Формы капитала

Современная социология различает несколько форм капитала: денежный, или экономический, социальный, культурный и символический. В понимании Карла Маркса, капитал - это "деньги в обращении", чье возобновляющееся движение идет к возрастанию стоимости [3]. Такое определение созвучно определению капитала как "денежного выражения средств производства прибыли", принадлежащему Максиму Веберу [4]. Георг Зиммель, развивая положения Маркса и Вебера, считал деньги источником энергии, конечной целью и абсолютным символом современного капиталистического общества [5].

Капитал, называемый экономическим, напрямую конвертируем в деньги и права собственности [6]. Если придерживаться "социализированного взгляда" на экономические процессы, то денежный или экономический капитал нельзя рассматривать в отрыве от социального капитала. Последний определяется как "ресурсы социальных отношений и сетей отношений, облегчающих действия индивидуумов за счет формирования [взаимного] доверия, определения [взаимных] обязанностей и ожиданий, формулирования и внедрения [социальных] норм, создания ассоциаций и т.д". [7]. Так же, как и экономический, социальный капитал продуктивен, способствуя достижению заданных целей. Однако в отличие от экономического капитала, социальный капитал, хоть и удовлетворяет личные интересы, служит в первую очередь общественным и групповым интересам. Будучи зависимым от постоянного общения и взаимодействия между людьми, социальный капитал сохраняет свою ценность только при беспрепятственном возобновлении.

Социальный капитал "передается через такие культурные каналы, как религия, традиция и историческая привычка" [8]. Вместе с тем сами элементы культуры - ценности, склонности, знания и пр. - могут принимать форму капитала. Несмотря на свою эфемерность, культурный капитал, как и иные формы капитала, может инвестироваться и приносить прибыль. Экономический, социальный и культурный капиталы взаимоконвертируемы. Значительному экономическому капиталу соответствует осо-

* Социологическое исследование проводилось с мая по ноябрь 1994 г. в рамках проекта Питтсбургского университета "Бизнес и общество в России", общее руководство которым осуществляли Р. Линден и М. Снодграс. В качестве интервьюеров, помимо автора, выступали Г. Еремичева, С. Иванов, С. Труевцева, Е. Тишин, Т. Ватуля и Т. Кленова, за что мне хотелось бы выразить им большую признательность. Особая благодарность адресуется С. Иванову за помощь в организации исследования, а также всем банкирам, согласившимся дать интервью, и руководителям банков, предоставившим разрешение на исследование.

бая модель социальных отношений, культурных вкусов и стиля жизни, характеризующая высокое положение в обществе. В свою очередь, социальный и культурный капиталы способствуют приумножению экономического капитала. Однако ликвидность экономического капитала сравнительно выше, и его вливания быстрее воплощаются в общественные изменения.

Самой универсальной формой капитала в концептуальной схеме Пьера Бурдьё считается символический капитал, в который конвертируются все остальные формы капитала в том случае, если они признаются легитимными [9]. Согласно такому видению, в обществе идет соревнование за символические преимущества, а не только экономические. Символика является эффективным средством господства: общественная поддержка "официальной версии" мира стабилизирует и укрепляет экономический, социальный и культурный капитал власть предрержащих [10]. Насаждение желаемой символики с помощью манипулирования общественным мнением - обычная практика господствующего класса [10, p. 94].

Денежный или экономический капитал

Капиталистический обмен опосредован анонимными, не допускающими субъективности, а, значит, нивелирующими личность деньгами. Полагается, что при господстве денег в качестве "устрашающего уравнилителя" (по выражению Зиммеля) личные контакты и связи принимают форму чисто инструментальных, преследующих заранее намеченные цели, отношений. Чтобы понять отношение к денежному капиталу в России, необходимо учесть антииндивидуалистическую, антимонетарную и антикапиталистическую российскую традицию, исходящую из раннехристианского представления о сребролюбии как о "корне всех зол" (Библия, Первое послание к Тимофею 6:10) и неприятия одновременного служения Богу и Мамоне. Эта традиция была не только продолжена, но и многократно усилена в советское время. Широко известно, что Николай Бердяев считал советский марксизм логическим развитием русского христианского социализма [11]. Менее известно, что Вебер, предвосхищая видение Бердяева, предрекал приход марксизма на смену российскому "популистскому романтизму" с характерным для него антикапиталистическим духом.

Российско-советская подозрительность по отношению к активному деланию денег коренилась в жесткой, статичной, схожей с кастовой, социальной структуре, положение в которой определялось в первую очередь политической лояльностью (верным служением государю или вождю). Поэтому мещанство, зависимое от коммерции и не очень зависимое от государства, презиралось, а дворянское или, в советское время, номенклатурное сословие, чье благосостояние определялось благоволением верховной политической власти, занимало положение элиты. Именно царь или партийный лидер раздавали титулы и поместья (партийный босс регионального уровня был кем-то вроде мелкопоместного князя), то есть "уполномочивали" на богатство или бедность, а посему самостоятельные попытки бедных стать богатыми или несанкционированные "сверху" устремления богатых стать еще богаче представлялись делом малодостойным, чуть ли не крамолой.

Напротив, в Соединенных Штатах, как было замечено еще французским аристократом Алексисом де Токвиллем, "нет ничего позорного в любви к деньгам", и "не просто работа, но именно работа с целью приобретения денег считается делом чести" [13]. Такое благосклонное отношение к деланию денег, являясь примечательным элементом американской "гражданской религии", объясняется существованием особых экономических и политических структур, поддерживающих свободное предпринимательство, конкуренцию между независимыми экономическими агентами, равенство возможностей, мобильность и плюрализм. Это согласуется с пониманием универсальной денежной формы как "наиболее совместимой со свободой" [5, p. 285], обеспечивающей "неотъемлемые права человека" и не допускающей никаких исключений из правил и особых привилегий [12, p. 107-108].

Банкиры были избраны в качестве объектов для анализа в нашем проекте именно потому, что они представляли коммерческие, то есть работающие во имя прибыли, структуры и воплощали в себе денежный капитал. В силу своего положения банкиры символизировали разрыв с прежней советской политикой *демонетизации* - намеренного принижения роли денег во имя монопольного контроля государства и поддержания уравнительности [14].

По свидетельству опрошенных банковских работников, роль Денег в переживавшем перемены российском обществе существенно повысилась: из "деревянных" рубли стали реальными деньгами, манипулирование которыми начало определять состояние российского рынка. Приток образованной молодежи в банки в период банковского подъема объяснялся сравнительно более высокой зарплатой в этой сфере. Наши интервьюируемые признавали, что "денежная компенсация становится основным видом компенсации за труд", и что "ряды альтруистов редеют". Также указывалось, что если раньше "работали, не думая о деньгах", то в пореформенные годы ценность работы начала определяться размером зарплаты.

Не являясь бессеребренниками, не выражая презрения к потребительству, материальным благам или меркантильному духу, банкиры вместе с тем представляли себя скорее сосредоточенными на самореализации, чем на деньгах, что отражает императивы российско-советской традиции. По мнению большинства, деньги приобретают настоящий смысл, если они позволяют подняться над деньгами, занявшись удовлетворением высших потребностей общения и саморазвития (социальных потребностей, потребностей уважения, самореализации), а не низших в иерархии Абрахама Маслоу (физиологических и потребностей безопасности) [15].

Успех американского образца обязательно имеет денежную составляющую: написание слова "SUCCESS" с долларовыми знаками как "\$UCCE\$\$" точно выражает эту характерную особенность. Нам же не удалось обнаружить свидетельств того, что именно деньги считались критерием успеха. Не было найдено и подтверждения американской поговорке "Время - деньги". Когда банковским работникам была предложена гипотетическая ситуация увеличения суток на 12 часов, они распределили дополнительные часы преимущественно в пользу семьи и досуга, в то время как "зарабатывание дополнительных денег" оказалось на последнем месте.

Вместе с тем банковские работники продемонстрировали разрыв между собственными "высокими" побуждениями, приведшими их в банковскую сферу, и однозначно заземленным пониманием мотивации других людей, включая собственное окружение, указав, что последними движет стремление заработать больше денег. В соответствии с традиционным видением того, "что такое хорошо и что такое плохо", наши собеседники обосновывали свои действия моральными и интеллектуальными потребностями. Одновременно они признавали, что российское общество помешалось на деньгах, и традиционный завет "или Бог или Мамона" был отмечен возвышением Мамоны в качестве Бога. Хотя некоторые банкиры в духе православия считали, что любовь к деньгам составляет корень всех зол, большинство скорее разделяло ироничную перефразировку этой библейской истины, принадлежащую Бернарду Шоу: "Отсутствие денег - корень всех зол".

Социальный капитал

Не деньги, а отношения между людьми служили основной советской "валютой". Качества "социальной антенны", способность улавливать желания, намерения и возможности начальства, коллег, друзей и знакомых были критически важными для продвижения по службе, получения квартиры, приобретения дефицитных товаров и доступа к услугам. Ключевые слова советского лексикона - "блат", "рука", "наш человек", "круговая порука" отражали важность социального капитала. Политический патронаж процветал. "Телефонное право" было неотъемлемым элементом всеобъемлющей системы покровительства и протекции. Неповоротливая советская экономика

оживлялась действиями "толкачей", которые, будучи мастерами межличностных отношений, прибегли к бартерной торговле по принципу "услуга за услугу, товар за товар".

Несмотря на массивную антикапиталистическую риторику, в советской системе социальные отношения использовались в качестве капитала - как важные рычаги деятельности, приносящие прибыль. Не в последнюю очередь это объяснялось нарочитым антимонополизмом советского образца. В постсоветскую эпоху роль денег в качестве посредника и самоцели жизнедеятельности неизмеримо возросла. Значит ли это, что социальный капитал утратил свое значение? Наше исследование дало отрицательный ответ на этот вопрос.

Повествуя о начале своей карьеры в банковском секторе, наши респонденты указывали на решающее значение личных отношений и связей: кто-то из друзей пригласил их на работу в банк; или бывший коллега включил их в команду, работавшую над созданием нового банка; или родственник позвонил знакомому руководителю банка, рекомендовав их на вакантную должность. История новообращения в банкиры, хотя и с некоторыми вариациями, повторялась, и стержнем ее всегда были личные связи и принадлежность к должному кругу. Без социального капитала, т.е. взаимного доверия между вовлеченными в предприятие людьми, прояснения взаимных ожиданий и обязательств, а также согласия следовать определенным нормам поведения, было практически невозможно поступить на работу в банк или обеспечить его успешную деятельность. Негласные и неформализованные личные каналы могли ускорить получение государственной лицензии, являлись основным путем набора персонала, предоставляли некоторые гарантии надежности партнера или клиента. И это все в ситуации, когда в силу слабости законодательства и правовых органов "формальная надежность [была] недостижима".

Сети социальных отношений также служили своеобразной системой безопасности. Один из президентов банков утверждал, что "ничто не может спасти от снайпера на крыше", и лишь хорошие личные отношения со всеми участниками финансовых сделок могут предотвратить конфликт. Другой президент банка не без бравады заявил, что в разветвленных контактах — его самозащита: "Если Вы попросите меня назвать моих друзей и знакомых, я Вам назову десять тысяч имен — кто, где, когда, почему - всю эту информацию я держу в голове".

Используемые инструментально, межличностные отношения в то же время не сводились нашими собеседниками только к функции капитала. Банковские работники давали понять, что личные контакты также рассматриваются как самоцель; они могут приносить удовлетворение сами по себе, вне зависимости от связанных с ними осязаемых выгод. Одна из наиболее емких интерпретаций успеха — "Если я кому-то нужен, значит, есть успех" - говорила о ценностной, а не только инструментальной рациональности в подходе к социальным отношениям [17].

Успех ассоциировался чаще с семьей, детьми и любимой работой, чем с деньгами. Что особенно показательно, социальные потребности (потребности общения с людьми) были поставлены опрошенными на верхнюю ступень иерархии потребностей как с точки зрения их важности, так и их удовлетворения. Нередко высокооплачиваемые банковские управляющие отмечали удовольствие не столько от приобретения материальных благ, сколько от организации вечеринок и улаживания своих друзей.

Явно не придерживаясь определения свободы личности как "свободы от всего личного" [5, р. 128], респонденты подчеркивали значение личных отношений в коллективе. При вытеснении обращения "товарищи" обращением "господа", слово "коллектив", судя по нашим интервью, прочно удерживалось в постсоветском лексиконе. Единство с коллективом, своей командой рассматривалось не только как условие преуспевания, но и как источник жизненного тонуса. Напротив, неприятие коллективом преподносилось как мучительное, нарушающее душевное равновесие явление. Бердяев называл русских наиболее "коммунитарной" нацией, указывая на страсть к близким отношениям, привычку делиться сокровенными чувствами и идеями, а также потребность в частых контактах и бесконечных разговорах [18]. Подтверждая это, в

проведенных нами интервью с банкирами можно найти свидетельства их любви к "теплу коллектива" [19], хотя свидетельств отвержения собственного "я" во имя коллектива найдено не было.

Старая поговорка "не имей сто рублей, а имей сто друзей", похоже, не утратила своего значения, хотя с учетом инфляции и долларизации российской экономики эту формулу следовало бы отредактировать. Свидетельствуя о том, что "одиноким банкир" - оксюморон в современной России, наши собеседники предпочитали говорить о себе во множественном числе, когда речь заходила о профессиональной деятельности. Проникнутый индивидуализмом афоризм Бертрама Чарльза Форбса, владельца и издателя известного журнала, гласит: "Самый надежный капитал — это капитал "Я". Адаптация этого афоризма в российских условиях потребовала бы замены местоимения "я" на местоимение "мы".

Важность социального капитала в России связана с воспроизводящимися особенностями российской культурной традиции и социальной структуры. Скажем, исключительная ценность дружбы и семейственности усиливается относительной "оседлостью" российского населения в силу ограниченных возможностей перемещения. Это особенно контрастирует с американской интенсивной горизонтальной мобильностью, пожизненным кочевничеством в поисках лучшей доли, делающей "вложения" в друзей и родственников за пределами нуклеарной семьи нерациональными. Отношения доверия и взаимопомощи между друзьями, родственниками, коллегами служат элементарному выживанию в суровых российских условиях, в которых иные источники выживания часто отсутствуют. Напротив, индивидуализм в полной мере процветает только при наличии денежного капитала как страховки от жизненных опасностей и рисков.

Укреплению социального капитала в условиях нарождавшегося российского капитализма способствовали несовершенство конкуренции, рынка и правового регулирования вкупе с дефицитом денежного капитала. Являясь стратегией приспособления к трудностям переходного периода, манипулирование социальным капиталом между тем преследовало личные и узкокорпоративные интересы, в то время как для выработки социальных норм в интересах общества в целом было сделано мало [20]. Такой крен таил в себе не только опасность социального взрыва, но и грозил утратой чувства реальности баловнями судьбы и государства. Опека делала их безответственными, высокомерными и в итоге неэффективными в принятии решений; вера в то, что "все схвачено", и подотчетность обществу не предвидится, порождала разгул сомнительных операций.

Культурный капитал

Наши интервью с банкирами, принадлежавшими к среднему и высшему звеньям управления, позволили нарисовать обобщенный портрет сравнительно молодого (как правило, "за тридцать", но в редких случаях старше 50-ти), образованного, способного человека, с интересом и энергией осваивавшего искусство коммерческой банковской деятельности. Далеко не многие чувствовали себя или считали своих коллег отменными профессионалами. Но интенсивное самообразование, возможности получения второго высшего образования и стажировок в России и за рубежом, казалось, позволяли в рекордные сроки перековать бывших преподавателей, инженеров, переводчиков, военных в банкиры. В полном согласии с результатами нашего анализа, интервью с ведущими банкирами, регулярно появлявшиеся в прессе, на радио и телевидении, не оставляли сомнений в их уме, начитанности и внешнем лоске, что выгодно отличалось от убогости и косноязычия многих "героев" советского производства.

Подобно трактовке социальных отношений, банкиры рассматривали свои культурные атрибуты (знания, ученые степени, культурные вкусы и стиль жизни) как самоценность. Одновременно им не был чужд инструментальный подход под стать западному, т.е. интерпретация культурных характеристик как "активов своей личности,

позволяющих более выгодно продать ее на рынке" [21]. Буквально столь прямолинейная интерпретация не прозвучала в ходе интервью, что не удивительно, поскольку идея продажи своей личности всегда носила в России оттенок неприемлемой вульгарности, мешанской пошлости, внутренней несвободы. Но новые реалии заставляли оценивать собственный культурно-образовательный уровень не только как основание для внутреннего удовлетворения и самоуважения, но и как капитал, умелое вложение которого облегчает деловые начинания и позволяет успешно конкурировать за место под солнцем.

Широко распространено мнение, что якобы основное препятствие в экспериментировании России с капитализмом — ее культура и история [22]. Бердяев писал о русской душе как отвергающей западный буржуазный рационализм [19, с. 12]. Продолжая традиции русского идеализма, Александр Солженицын поныне настаивает на том, что русский человек якобы уступает западному с точки зрения прагматизма и материализма, но осознает собственное духовное превосходство [23]. Если в самом деле особый антибуржуазный русский тип существует и никакие внешние перемены не способны повлиять на его внутренние устои и предпочтения, реформирование России по капиталистическому пути действительно проблематично. Не претендуя на всеобъемлющий анализ обоснованности культурного детерминизма и исторического фатализма в отношении России, наше исследование тем не менее включило оценку принадлежности банкиров к определенным человеческим типам.

Веберовский идеальный тип [24] - результат аналитического обобщения, модель, с которой удобно сопоставлять конкретные типы. Веберовский тип идеален не в том смысле, что он лучше других, а в том, что он абстрактен (является результатом отвлечения от деталей и сосредоточения на важнейших чертах). Нами были выделены два противоположных человеческих типа: с одной стороны, Номо Economicus - признанная модель современного западного "экономического человека", чья изначальная характеристика принадлежит перу Адама Смита, с другой - его православный антипод. Основываясь на идеях западных и российских мыслителей и исследователей, эти два типа были составлены из десяти дихотомий культурных ориентаций.

Соответствуя системе свободного предпринимательства, Номо Economicus в своем крайнем выражении представляет собой индивидуалиста, ценящего личную свободу, рассчитывающего на себя самого, а не на других, а также стремящегося к "внешним" видам вознаграждения (денежное вознаграждение, официальные награды и т.д.), а не только к внутреннему удовлетворению. Проявляя целеустремленность в достижении своих задач и заинтересованность в специализации, Номо Economicus демонстрирует расчетливость и адаптивность в принятии решений, основывая их на интеллектуальном подходе и на инструментальной рациональности. Антипод Номо Economicus не мыслит себя без коллектива и гармонии с общественной средой, ставит чувства внутреннего удовлетворения и самоуважения выше денежного вознаграждения, отвергает меркантилизм, руководствуется ценностной рациональностью и эмоциями в своих решениях и спонтанен в своих действиях.

Подробный анализ текстов интервью с 61 банковским менеджером показал, что большинство банкиров в выборке были склонны преподносить себя в качестве Номо Economicus. Среди 50 наших собеседников, отнесенных к этой группе, преобладали молодые мужчины без опыта работы в банковской сфере. При этом они считали людей за пределами своего окружения "совками". Концептуальная конструкция "совка" в качестве идеального типа включала, по определению самих банковских работников, такие характеристики, как неприятие неравенства в доходах и предпочтение "уравниловки"; "колхозное" мышление и зависть; недостаток трудовой этики; инерцию и неэффективность в работе; психологию "халышника"; пустословие; отсутствие свободы и "синдром начальника". Нетрудно заметить, что "совок", обрисованный индуктивным методом на основе представлений опрошенных, является образом, противоположным Номо Economicus, аберрацией его антипода, пародией на тип советского человека.

Согласно Веберу, существуют два типа предпринимателя - "рационалист" (истинный рациональный капиталист) и "авантюрист" (тип, характерный для докапиталистических формаций) [25]. Трудовая этика первого, предполагающая рациональность, ответственность, опору на закон и нравственные нормы, а также отказ от политического маневрирования, обеспечивает взаимное доверие и безопасность в обществе. "Авантюрист", напротив, манипулирует личными контактами и политическими связями во имя получения личной выгоды, материализуемой в собственных удовольствиях и часто противоречащей интересам других людей; он не брезгает противозаконными и аморальными действиями, готов идти на высокий риск и платит за это утратой собственной безопасности и недоверием к своему окружению.

Аналогично оценке банковских работников по шкале "Homo Economicus и его антипод", каждый из давших интервью был оценен по восьми дихотомиям культурных ориентаций, составивших шкалу "рационалист-авантюрист". Лишь один из банкиров откровенно поведал о своих авантюристических наклонностях, двое могли быть отнесены к промежуточному типу, а все остальные представили себя в качестве "рационалистов".

Однако когда банкирам было предложено оценить современное российское общество, никто не посчитал его олицетворением "рационального капитализма", большинство тяготело к интерпретации его как "авантюрного капитализма", а 16 человек занимали промежуточную позицию, указывая на маргинальность общества. Зеркальные образы своего "я" и общества в целом заставляют задуматься над динамикой процессов, которые могут превратить ассоциацию рационально мыслящих людей в общество, пропитанное авантюризмом. Ведь подобно представлению, что "все, кроме меня, - совки", обычным оказалось представление, что "все, кроме меня, - авантюристы".

Согласно собственной характеристике банкиров, они мало отличались от типа западного человека. Их культурная экипировка не противоречила жестким требованиям работы в условиях капиталистического рынка. Никак не проявляя антимонетарный романтизм или самопожертвование во имя интересов коллектива, банкиры между тем придерживались такой версии собственного рационализма, которая существенно отличается от классического веберовского определения. Опора на личные связи и рискованные операции преподносилась как необходимое условие выживания предпринимателя в новой России. При этом "культура высокого риска" трактовалась как отражение авантюризма общества, связанного с институциональным несовершенством системы. Чрезмерное налогообложение интерпретировалось как государственное злоупотребление. Неизбежные вложения в политический патронаж рассматривались как санкционированный сверху рэкет.

В обществе, поглощенном игрой в русскую рулетку, где ставкой является жизнь, службы безопасности процветают. Вместе с тем многие банкиры оценивали скептически их эффективность. Президент одного из петербургских банков высказал мнение, что если очень хочется кого-то убить, то обязательно убьют. Банковский управляющий из Москвы недоумевал по поводу того, что хотя ведущие банкиры окружены охраной в течение рабочего дня, многие вечером беззаботно гуляют по городу без всяких предосторожностей. Это наводит на мысль, что телохранители и автоматическое оружие, бронированные мерседесы и БМВ, мобильные телефоны и ослепительные секретарши, мрамор и бронза переоборудованных под банки старинных особняков - составляющие культурного капитала новых банкиров. Они очерчивали культурные и социальные границы между теми, кто "выбился в люди", и теми, кто остался на обочине общества. Этот культурный капитал мог трансформироваться в социальные привилегии и денежную прибыль, усиливая власть. Однако "культура риска", включая риск пасть от руки контрактного убийцы, нанятого конкурентом или завистником, свидетельствовала о большой вероятности молниеносной утраты того, что было не менее стремительно нажито.

Символический капитал

Судя по нашему обследованию банковских работников, их денежный, социальный и культурный капиталы благополучно конвертировались в первоначальный символический капитал банковского сектора. Из имевшей низкий статус "женской" сферы деятельности банковское дело преобразилось в престижную и, в соответствии со стратификацией общества по половому признаку, более "мужскую" сферу. В то время как работа в банке советского образца рассматривалась, по выражению одного из опрошенных, как "самое поганое место", постсоветские банки предоставляли возможность быстро сделать карьеру, особенно если начальные шаги были предприняты в период зарождения коммерческих структур.

Однако гарантией непреходящего характера экономических, социальных и культурных преимуществ может стать лишь накопление значительного символического капитала в национальном масштабе. Иными словами, необходимо признание обществом "легитимного отличия" определенной социальной группы - ее права на господство в практической и духовной областях [26]. В этом более широком смысле символический капитал работников банков представлялся явно недостаточным.

Опрошенные отмечали, что банк обычно воспринимается как "структура, которая грабит"; что банковские работники склонны скрывать от соседей, где они работают, стремясь избежать зависти и враждебности; что они испытывают неловкость перед своими друзьями в связи с собственным сравнительным преуспеванием на фоне обнищания других; что многие узы рвутся из-за разрыва в уровне жизни и т.д. Наши респонденты делились беспокойством по поводу собственной безопасности - и как банкиров, и как рядовых граждан. Негативная символика преобладала и в представлениях о деньгах: нередко утверждалось, что деньги поработают, а не освобождают дух (один из приведенных примеров - атмосфера Лас Вегаса); что независимость, приобретаемая с деньгами за рубежом, невозможна в России из-за бюрократического произвола; что деньги приумножают российские проблемы, а не нивелируют их. Рэкет, заказные убийства, отчужденность и враждебность в обществе часто преподносились как результат господства денег, а сами респонденты были осторожны с тем, чтобы не проявить себя как почитателей золотого тельца.

Прибегая в разговоре к негативному символу "совка", многие противопоставляли ему качества, близкие к характеристикам *Ното Економіс*. Однако образа, соперничающего по силе с чрезвычайно выразительным, почти фольклорным образом "совка", но в отличие от него позитивно символизирующего новую эпоху, выработано не было. Буржуй в цилиндре, во фраке с долларovým знаком и со злым оскалом на физиономии сохранялся в народном сознании как символ капиталистической несправедливости [27]. Да и знакомые большинству населения со школьных лет ленинские образы "финансовой олигархии" как паразита на теле пролетариата сохраняли свою устойчивость. Это определило широкое хождение и резко негативную окраску термина "олигархи", возрожденного применительно к ведущим российским банкирам и промышленникам.

В то время как в США деньги и капитал воспринимаются как символ самого бытия, рекомендации как делать деньги составляют большой и весьма прибыльный раздел литературного рынка, а те, кто добился денежного успеха, по наблюдениям американских социологов, видят в этом предмет первой гордости [28], многие из обследованных нами банковских работников не скрывали чувств неловкости и беспокойства в связи со своим неожиданным особым положением. В противоположность американской "вере в неравенство", трактующей неравенство доходов как важный стимул жизнедеятельности [29], в России сохранилось острое неприятие социального расслоения. Выдающийся американский политический и литературный деятель Бенжамин Франклин страстно проповедовал накопление денег в качестве стержня жизненных устремлений [25, р. 48-49]. Другой известный американский мыслитель Рэлф Уолдо Эмерсон провозглашал интеллектуальное и этическое значение богатства [30]. В России такие речи звучат, по меньшей мере, чужестранно и сомнительно — скорее, вульгарно и недостойно.

Союз Бога и Мамоны по-американски предельно прямолинейно выражается надписью "В Бога мы веруем", красующейся на долларовых банкнотах. Между тем, американская религия денег является таковой именно потому, что содержит строгие предписания нравственного свойства. Скажем, Франклин, в духе пуританства, благословлял деньги только в том случае, если они добыты усердием, умеренностью и бережливостью. В "Евангелии богатства" Эндрю Карнеги провозглашал служение все- сильных бизнесменов своим менее удачливым согражданам и призывал к избавлению от богатства путем благотворительной деятельности [31]. Франклин, Эмерсон и Карнеги внесли лепту в формулирование американской мечты, утверждающей возможность и достоинство превращения "нищего" в "принца", причем за счет собственных усилий, а не волей господина или государя. Изменение финансового положения - центральный пункт такой метаморфозы; считается, что все остальное (социальный, культурный и символический капиталы) приложится.

Российский аналог американской мечты ("from rags to riches" - "из лохмотьев в роскошь"), выражаемый идиомой "из грязи в князи", является не мечтой, а скорее кошмаром. "Мещанин во дворянстве" служил объектом презрения и насмешек при первой попытке капиталистического развития в России на пороге XX века [32], и последнее десятилетие этого века не прибавило уважения стремительному обогащению новой знати. Наше обследование показало, что банковские работники считали "личную энергию, готовность на риск" и "связи" основными факторами, позволяющими стать богатым в российских условиях.

В отличие от характерного для Нового Времени представления о деньгах как о средстве утверждения принципа личной свободы и прав человека, деньги по-прежнему ассоциируются с крайней несвободой в России. И это неудивительно, если вместо конкуренции господствует монополия, вместо плюрализма правят бал кланы, вместо компромисса дела решаются угрозами и принуждением, вместо уважения к труду и таланту торжествует грубая сила. Вопреки ожиданиям, что опосредованные деньгами обезличенные и беспристрастные деловые операции приведут к отмене личных привилегий и к большей справедливости, в России ныне действует 256 видов различных льгот [33], политический клиентелизм процветает, исключения из правил стали правилом, а титулованные особы, обретя финансовую независимость за счет общества, тотчас отгородились от его нужд.

При всех изъянах американских капиталистов конца XIX века, нареченных "воровскими баронами", они, по словам идеолога капиталистического предпринимательства Уильяма Самнера, были "выгодны обществу": обогащаясь сами, они способствовали благосостоянию большинства населения. Американская "аристократия денежного мешка" проявила себя, по выражению Томаса Карлейля, в качестве "капитанов индустрии". Когда Эндрю Карнеги, Эндрю Меллон, Джон Рокфеллер и подобные им титаны появились на авансцене истории, Соединенные Штаты были второстепенным аграрным обществом. Когда они завершили свою карьеру, страна стала мощной промышленной державой. Их успех вдохновил многих последователей и, что особенно важно, укрепил представление о безграничных возможностях "человека с улицы", независимо от имени и звания.

Американская мечта, конечно, относится к разряду мифов. Такие явления, как спекуляция на обмене валют, финансовые пирамиды, отмывание денег, приобрели сомнительную известность задолго до российских реформ. "Связи" сохраняют свое значение и в США, рискованные махинации широко практикуются на Уолл стрит, а фамилия Меллон или Рокфеллер очень помогает в жизни. Однако все зависит от пропорций и последствий: свидетельствуя о сбываемости мечты, в США инициатива, талант и честный труд нередко вознаграждаются даже в случае скромного социального происхождения. При всем разнообразии методов зарабатывания денег и стилей жизни американизация сводится к вере в то, что все достижимо, надо только очень постараться. И в этом смысле американский миф, несомненно, полезен как вдохновляющий и объединяющий общество.

Что касается новых российских банкиров и финансистов, то надо отдать им должное в том, что они предприняли ряд шагов по конвертированию денежного, социального и культурного капиталов в капитал символический. Формирование финансово-промышленных групп могло в принципе изжить ненавистный образ паразита-рантье в пользу имиджа банкира как защитника производительного труда. Вместо азартного игрока и удачливого "комбинатора" перед обществом мог предстать праведный создатель. Кроме того, символический капитал мог быть заработан на благотворительности. Однако успехи на каждом из этих направлений были более чем скромны. Несмотря на поглощения промышленных предприятий крупнейшими банками, это не прибавило долгосрочных инвестиций в экономику. Филантропическая деятельность служила больше возвеличиванию благодетелей, чем убеждала в их бескорыстии и стремлении помочь страждущим [34].

В чем лидеры финансовой сферы действительно преуспели, так это в установлении контроля над ведущими средствами массовой информации. Это создало мощный канал воздействия на общественное сознание. Однако разразившиеся в 1995, а потом в 1997 годах "банковские войны" за собственность переросли в "символическое насилие" — кампанию ожесточенного взаимного уничтожения конкурентов методом очернительства. В результате неприглядных словесных боев репутация банкиров только ухудшилась благодаря укреплению в общественном мнении их образа как алчных и беспринципных хищников, купивших и журналистов, и политиков [35].

Не выработав ни ясной стратегии развития, ни возвышающих мифов, ни привлекательных образов нового общества, российские банкиры вместе со своими политическими покровителями проявили беспомощность в формировании символического капитала. Идеологические пустоты в России последних лет породили беспредел и произвол, раскрутившие спираль грабежа и разрушения. Беззаботный расчет на хэппи-энд (мол, пусть вначале наворуют, а потом станут ответственными собственниками и эффективными управленцами [36]) - по меньшей мере наивен. Оправдание "воровской идеологии" дает зеленый свет "несунам" всякого рода, а особенно привилегированным "несунам". Из-за растаскивания всего и вся национальное богатство страны тает на глазах, погружая общество в экономическую и духовную депрессию.

Мановением "невидимой руки" рынка, без интеллектуального и нравственного лидерства, такую ситуацию к лучшему не изменить. Стоит напомнить о том, что в ходе модернизации Франции Анри Сен-Симон призвал Руже де Лилия, автора "Марсельезы", сочинить гимн промышленной революции - "Индустриальную Марсельезу" [37]. В то же время, как российский национальный гимн остается "песней без слов", так и российская модернизация застопорилась без вдохновляющего девиза. Оставшись без идеи как "без руля и без ветрил", российская экономика увлекается сегодня глубже в пучину тонущим банковским сектором. Истощенное политическими бурями и экономическими кризисами общество как никогда нуждается в выработке разумного курса действий и его изложении на цивилизованном языке интересов всех и каждого. Нанесение косметики не поможет на смертном одре. Нужна интенсивная идейная терапия, нужны духовные инъекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Varoli J.* Economic Reform Casts a Long Shadow in Russia // *Transition*. 1997. Vol. 3. № 5. P. 6.
2. О предыдущих неудачах см. *Owen T.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. Oxford: Oxford University Press, 1995.
3. *Marx K.* Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1: The Process of Capitalist Production. New York: International Publishers, 1967. P. 155.
4. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978, P. 91.
5. *Simmel G.* The Philosophy of Money. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 232, 497.
6. *Bourdieu P.* The Forms of Capital / Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, edited by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 243.

7. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990. P. 306-313.
8. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995. P. 26.
9. *Bourdieu P.* What Makes a Social Class? On the Theoretical and Practical Existence of Groups // *Berkeley Journal of Sociology*. 1987. Vol. 32. P. 3-4.
10. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 183.
11. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
12. *Weber M.* The Russian Revolutions. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995. P. 107.
13. *Tocqueville A.* Democracy in America. New York: Anchor Books, Doubleday and Co., 1969. P. 92, 550.
14. *Dinello N.* Russian Religious Rejections of Money and *Homo Economicus*: The Self-Identifications of the "Pioneers of a Money Economy" in Post-Soviet Russia // *Sociology of Religion*. 1998. Vol. 59. № 1. P. 45-64; *Dinello N.* Forms of Capital: The Case of Russian Bankers // *International Sociology*, 1998. Vol. 13. № 3. P. 291-310.
15. См.: *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. New York: Viking, 1971.
16. *Klugman J.* The New Soviet Elite: How They Think and What They Want. Westport, CT: Praeger, 1989.
17. О разграничении между инструментальной, ценностной и традиционной видами рациональности см.: *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978. P. 24-25.
18. *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 253-254.
19. *Бердяев Н.* Душа России. Л.: Сказ, 1990. С. 7.
20. См. *Тощенко Ж.* Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета, 1998, 31 декабря. СП.
21. *Burnard P., Morrison P.* Self-Disclosure: A Contemporary Analysis. Aldershot UK: Avebury, 1992. P. 11.
22. *McDaniel T.* The Agony of the Russian Idea. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966; *Owen T.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. Oxford University Press, 1995.
23. *Solzhenitsyn A.* The Russian Question: At the End of the Twentieth Century. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1995.
24. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978. С 20-21.
25. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Scribner, 1958.
26. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 204.
27. Любопытно, что в конфликте между руководством Российского акционерного общества "Норильский никель" и ОНЭКСИМбанком, держателем акций металлургического концерна, на Первомайские праздники рабочие таскали по центру города чучело буржуина с надписью "ОНЭКСИМбанк". См.: *Вишнепольский К.* ОНЭКСИМбанку на "Норильском никеле" помогут Бог и президент // *Коммерсантъ-daily*, 1996, № 78. С. 9.
28. *Wernimont P., Fitzpatrick S.* The Meaning of Money // *Journal of Applied Psychology*. 1972. Vol. 56. № 3. P. 218-226.
29. *McClosky H., Zaller J.* The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy. Cambridge and London: Harvard University Press, 1984.
30. См.: *Needleman J.* Money and the Meaning of Life. New York: Doubleday Currency, 1991. P. 263.
31. *Carnegie A.* The Gospel of Wealth and Other Timely Essays. Cambridge MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
32. См. *Боханов А.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. - 1914 г.). Москва: Наука, 1992.
33. *Неймишева Н.* В России появились "новые бедные" // *Финансовые известия*. 1998. 16 декабря. С. 5.
34. *Dinello N.* Elites and Philanthropy in Russia // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1998. Vol. 12. № 1. P. 109-134.
35. *Dinello N.* Bankers' Wars in Russia: Trophies and Wounds // *Post-Soviet Prospects*. 1998. Vol. VI. № 1.
36. *Freeland C., Thornhill J., Gowers A.* Moscow's Group of Seven // *Financial Times*, 1996, November 1. P. 17.
37. *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective / *The Sociology of Economic Life*, edited by M. Granovetter and R. Swedberg. Boulder, CO: Westview Press, 1992. P. 125.